

УДК 4Р

ПРИНЦИП КОММУНИКАТИВНОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И ТРАДИЦИОННОСТИ В МЕДИАТЕКСТЕ

Л.Г. Лисицкая

Армавирский государственный педагогический университет
E-mail: LLG14@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме: функционированию нормы в языке медиатекстов. Свою задачу автор видит в исследовании массмедийного языка с точки зрения нормативности и коммуникативной целесообразности. Автор убедительно доказывает, что изучение языка СМИ необходимо для определения перспектив развития русского литературного языка и речевой политики государства.

Ключевые слова: система языка, стиль, норма, речь, медиатекст, коммуникация, культура речи, коммуникативная целесообразность, традиционность.

Principle of Communicative Appropriateness and Conventionality in Media Text

L.G. Lisitzkaya

The article is dedicated to an up-to-date problem: to the norm function in the media text language. The author considers the task of investigating mass-media text language from the point of view of the norm and communicative appropriateness. The author proves that it is necessary to study mass media language to determine the prospects in the development of the Russian literary language and the speech policy of the country.

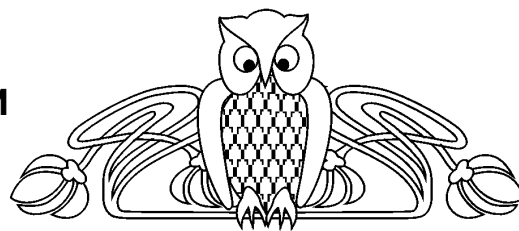
Key words: language system, style, norm, speech, mass-media text, communication, speech culture, communicative appropriateness, conventionality.

При самых существенных расхождениях в толковании понятия «культура речи» нормативность определяют как базовую, основополагающую категорию рассматриваемого объекта (А.Н. Васильева, Л.К. Граудина, К.С. Горбачевич, В.А. Ицкович, В.Г. Костомаров, С.И. Ожегов, Ю.С. Степанов, Е.Н. Ширяев и др.)

Приведем лишь некоторые из существующих дефиниций языковой нормы.

Норма – совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, производительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов¹.

«Норма – наиболее распространенные из числа сосуществующих, закрепившиеся в практике образцового использования, наилучшим образом

выполняющие свою функцию языковые (речевые) варианты»².

«Норма языковая – совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. И как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка»³.

Как видим из этих определений, исследователи в основу своих дефиниций кладут разные критерии: социальный, лингвистический, динамический, принцип коммуникативной целесообразности и традиционности и т.д. Но все эти определения не противоречат друг другу, а лишь выгодно дополняют и конкретизируют одно из центральных понятий культуры речи как теоретической и одновременно прикладной дисциплины. Каждый из ученых внес свой плодотворный вклад в исследования языковой нормы. Известные ученые-лингвисты С.И. Ожегов, Б.Н. Головин рассматривали норму как социальное, исторически развивающееся явление, по их мнению, норма – это правила, которые признаны и узаконены обществом.

Четкое теоретическое обоснование разграничения языка и речи позволило дифференцировать такие понятия, как норма и система. Из этого противопоставления появилась лингвистическая точка зрения на норму. Её разделяли Ф. де Соссюр, Э. Косериу, Ю.С. Степанов. Теоретическая схема Э. Косериу представлена так: система → норма → речь, т.е. норма получает из системы языка готовые модели и реализует их в речи. Согласно данной точке зрения предполагается, что речь соответствует норме, но в речевой практике наблюдаются такие реализации, которые не соответствуют языковой норме. Л.И. Скворцов, опираясь на работы своих предшественников в области культуры речи, создает динамическую теорию нормы.

В.Г. Костомаров в качестве ведущих принципов при определении нормы выделяет принципы коммуникативной целесообразности и традиционности выражения. Лингвисты часто подчеркивают, что литературный язык – организованная система: все средства в нем дифференцируются согласно коммуникативно-прагматическим заданиям речи. Норма не делит средства языка на хорошие и плохие, не предписывает: первые необ-

ходимо употреблять всегда, а вторые не рекомендуется употреблять вовсе. Правильное и уместное в одних случаях может вызвать недоумение у адресата в других. Зависимость литературной нормы от условий, в которых осуществляется речь, называют коммуникативной целесообразностью нормы. Из всего сказанного очевидна сложная и исторически изменчивая взаимная обусловленность таких понятий, как стиль, норма и система.

Потребности человеческого общения настолько сложны и многообразны, что для каждого из них нужны свои изобразительно-выразительные средства, лексико-грамматические единицы, которые более свежо и оригинально, более точно и полно отвечают коммуникативным заданиям той или другой речевой ситуации. Поэтому литературная норма тонко градуирует средства языка по различным шкалам – семантической, стилистической, ситуативной.

Нормативность имеет четкую коммуникативно-прагматическую направленность. Сама структура этого понятия определяется несколькими параметрами, а именно:

1) соответствие языкового факта системе литературного языка и тенденциям ее развития (критерий системности);

2) функциональная мотивированность появления и бытования в языке знака с данным значением, функциями, прагматическими свойствами (критерий функциональной мотивированности);

3) узуальность единицы, ее массовая воспроизводимость в литературных текстах, включая разговорную речь образованных людей (критерий узуальности);

4) позитивная общественная оценка языкового факта, его социальная санкционированность (критерий аксиологической оценки);

5) безусловная нормативность контекста употребления языковой единицы (критерий нормативного окружения);

6) высокий культурный престиж пользователя знака (критерий культурного окружения)⁴.

Понятие нормы и ее действие пронизывают все уровни языка. В связи с этим выделяются фонетические нормы, лексико-фразеологические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, а также орфографические и пунктуационные.

Вместе с тем широко известно изречение Л.В. Щербы что, когда чувство нормы воспитано у человека, то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее. Владея нормой, то есть умея правильно выбирать и употреблять средства языка в зависимости от целей и коммуникативных установок речи, носитель литературного языка может себе позволить намеренное отступление от принятой нормы, языковую игру.

Умелое и уместное использование таких выразительных эффектов, как обманутое ожи-

дание, напряжение оживляет текст, делает его эмоционально насыщенным, повышает его воздействующую силу, иными словами, работает на его прагматическую адекватность. Отступление (обоснованное) от нормы позволяет коммуникатору обратить внимание на предмет речи, передать свое отношение к сообщаемому, определить свое эмоциональное состояние, обозначить свой социально-идеологический статус и т.д.

Если отступления от нормативного изложения оправдано какой-либо из подобных целей, то перед нами не ошибка, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой человек обращается с языком, о его языковом вкусе.

И все-таки нормы не оковы языка, а великое благо: они сохраняют литературный язык, при этом тонко разграничивают его средства в зависимости от целей общения. С одной стороны, норма консервативна, с другой – исторически изменчива и подвержена модификациям. Нормы обычно меняются медленно, и это понятно: ведь они – фильтр, предназначенный для того, чтобы из языкового потока в общее употребление попадало лишь все действительно яркое и выразительное.

В последнее время, помимо нормативного и коммуникативного аспектов в общении, лингвисты вынуждены все чаще обращаться к этическому аспекту. Дело в том, что общественность крайне обеспокоена современной языковой расщепленностью, пренебрежением элементарными нормами в речевом поведении. Сознательное расшатывание языковых норм со стороны журналистов в текстах масс-медиа приводит к тому, что в наши дни необычайно активизировалось употребление грубой, бранной лексики и фразеологии не только в бытовом общении, но и в средствах массовой информации. «Иногда мне кажется, – пишет А.В. Суперанская, – что в России XXI в. существуют два русских языка: традиционный и новый, при этом первый неуклонно вытесняется вторым»⁵.

Известно, что языковая норма, имея собственно лингвистическую природу, является в то же время и социально-исторической категорией. В качестве последней она входит в ряд норм и обычаев, представленных в обществе в разные периоды его развития. Так, по мнению В.В. Колесова, «сущность языка определяет необходимость преобразований, чтобы сохраниться как средство мышления и общения, язык неизбежно должен принимать различные формы, видоизменяясь во времени. Чтобы существовать – он должен изменяться».

Чтобы сохранять практическую полезность – он постоянно должен избирать единственно нужный и верный вариант, представленный как воплощение нормы.

Чтобы сохранять красоту своих форм – он обязан умело пользоваться обилием вариантов, к каждому данному моменту накопленных в образцовых текстах»⁶.

С течением времени такие понятия, как система языка, стиль речи и норма текста модифицируются. В совместном их действии они образуют изменение того, что Д.С. Лихачев назвал «стилем жизни».

Изменения стиля жизни приводят к изменениям в стиле речи, что отзывается на изменениях норм литературной речи и косвенно отражается на самом языке.

В языке нормативность используется в двух аспектах. Во-первых, как совокупность реально используемых в языковой системе лексем, словоформ, языковых конструкций, во-вторых, как совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств. Как мы уже отмечали, одна из основных задач культуры речи – это охрана языка, его норм. Без знания основ культуры речи трудно себе представить подлинного интеллигента. Не секрет, что именно литературный, нормированный язык объединяет нацию. Именно он наряду с экологическими, политическими и другими факторами обеспечивает единство нации.

Создание литературного языка – сложный исторический процесс, в осуществлении которого большая заслуга трех выдающихся личностей: М.В. Ломоносова, который осознал принцип, согласно которому в тексте происходит формирование стилистически важных средств художественной речи, тем самым он выдвинул идею системности; А.С. Пушкина, обработавшего функциональные стили речи и превратившего их в художественный стиль, который в свою очередь стал основой для создания нормы, а также А.Х. Востокова, сумевшего увидеть в гениальных творениях Пушкина образцовую русскую речь и эксплицировавшего идею нормы. «Таким образом, точкой отсчета при изучении современного языка является теория Ломоносова, точкой отсчета при изучении языка литературы – практики Пушкина, точкой отсчета в нормировании современного литературного языка, несомненно, является «Русская грамматика» Востокова»⁷.

М.В. Панов среди основных признаков литературного языка называет такие, как язык культуры, язык образованной части народа, сознательно кодифицированный язык.

Идеал кодификации заключается в неизменности, стабильности языковых установлений. Функциональные же и стилистические потребности языка создают условия для возможных его изменений, прежде всего в норме употребления языковых единиц.

Кодификация – это фиксация в разного рода словарях и грамматике тех норм и правил, которые должны соблюдаться при создании текстов кодифицированных функциональных разновидностей.

Ряд исследователей в рамках литературного языка противопоставляют разговорную речь как некодифицированную сферу коммуникации и функциональные стили, имеющие под собой ко-

дифицированную основу. Однако, по меткому замечанию В.Г. Костомарова, вот уже скоро полвека языковые особенности разговорности изучаются, внимательно описываются «и тем самым со всей очевидностью, вопреки теоретическим заявлениям и терминологическому упрямству, кодифицируются, обращаются в общую литературно-языковую норму»⁸.

В этой же монографии В.Г. Костомаров высказывает весьма перспективное предположение о том, что «противопоставление *устный-письменный* уже анахронично и подлежит замене на новое – *письменный-массмедийный*, а слово *устный* возвращает себе истинное первичное свое значение “звуковой, первородный, природный (или божественный?), единственно естественный”, потому что все остальное искусственное»⁹.

Определяя место массмедийных текстов, В.Г. Костомаров предлагает рассматривать его как особое промежуточное междуцарствие, объединяющее стиливые царства разговорности и книжности.

Язык текстов в масс-медиа «синтетичен, он продукт ноосферы, но еще более искусно творимый, нежели книжный, так как скрывает свою искусственность, отчего и представляется столь же реальным, как сама реальность»¹⁰.

Большинство исследователей склоняются к мнению, что в массмедийных текстах в процессе их функционирования вырабатываются собственные речевые нормы.

И дело здесь не в том, что мы наблюдаем в потоке общей демократизации жизни тенденции к «люмпенизации» языка СМИ, сама природа этого феномена определяется «книжно-разговорным междуцарствием».

Использование внелитературных, ненормативных элементов в постперестроечных СМИ связано с выбором типологической ниши. Как показывают исследования языка отечественной печати, решающей причиной языкового своеобразия издания является ориентация на речевую манеру основной группы его читателей, что можно назвать риторической стилизацией.

Речевая манера социальных групп обычно именуется социалектами. Это понятие шире, чем социальный диалект. «Социалект – это термин, распространяющийся на речевые привычки всех социальных групп: высокостатусных и образованных сословий, владеющих литературным языком, именно как языком своего сословия, и средних слоев, для которых привычен субстандарт, и низкостатусных и малообразованных сословий, использующих в силу этого просторечные, диалектные или жаргонные формы»¹¹.

Выбор того или иного социалекта в качестве риторической стилизации издания не освобожден от этического аспекта, так как зачастую приводит к нарушению нормативных предписаний общественной морали, регулирующей все проявления человеческого поведения. Активными

проводниками ненормативности в медиатекстах являются молодые журналисты, которые по образовательному уровню должны быть представителями культурной элиты и пропагандировать в силу этого литературный язык. На практике же получается иная картина: они установили новую моду, щеголяя жаргонизмами, вульгаризмами и табуированной лексикой.

В большинстве случаев привлечение арготической лексики вовсе не свидетельствует о том, что журналист не владеет литературным языком. Постоянные броски в сторону от стандарта, от книжной нормы просто необходимы для реализации конструктивного принципа массовой коммуникации. В вечной погоне за экспрессией журналисты не всегда заботятся о том, чтобы она была эстетически состоятельной. Журналист игнорирует свою ответственность за русский язык, за его судьбу и в конечном итоге за ментальность русского народа и его историю. При этом именно он в большей степени «призван сохранять великую силу русского слова: разумного и ладного, красивого и содержательного»¹².

По нашему мнению, причина кроется в том, что журналист идет здесь по линии наименьшего сопротивления: употребляет далеко не лучшую лексику русского языка, ту, которая лежит на поверхности, не пытаясь углубиться в другие слои, не используя все богатства языка. Тем самым журналист не только не обогащает свой словарный запас, но и огрубляет язык прессы, делает его примитивным.

Преследуя цель воздействия на потребителя информации, журналисты резко повышают популярность и востребованность лексики худшей части российского общества – криминалитета.

Сегодня серьезных и авторитетных лингвистов заботит и волнует проблема: насколько уместно и обдуманно употребление арготизмов в прессе и в мире средств массовой информации, какие опасности таит в себе «люмпенизация» русского языка и как должна строиться в связи с этим речевая политика. (См. работы В.В. Колесова (1998 г.), Л.И. Скворцова (1995 г.), В.Г. Костомарова (1995) и многих других).

Известно, что наиболее важной частью значения жаргонного слова (ради чего оно создается и употребляется) является коннотация. Актуальность повышенного внимания к лексико-фразеологическим единицам жаргонного характера обусловлена тем, что журналисты охотно используют в своих материалах этот пласт лексики, эксплуатируя именно его нестандартную, необычную для литературной речи экспрессивную окраску, а также нетрадиционные дополнительные смысловые стилистические оттенки (в том числе и острые, резко негативные оценки).

Многие исследователи брезгливо отворачиваются от языка масс-медиа как рассадника бескультуры, журналистского стеба, сомнительного эпатажа. Но нам импонирует больше оптимизм

В.Г. Костомарова, который, в частности, заявляет: «В нынешнее “карнавальное” время в эту извечную борьбу двух начал (живого разговора и книжности) вторглись всей силой своего технического вооружения масс-медиа, узрев в карнавальном масках неиссякаемый источник экспрессии, необходимой для конструирования своих текстов. Нынешняя свобода применения языка, как и поведения, всего нашего существования шокирует, но ведь снятие табу, отмена цензуры, разрушение старых порядков ведет к новым формам культуры»¹³.

Вместе с тем нельзя быть и сторонним наблюдателем повальной арготизации и варваризации языка в текстах масс-медиа, а также приуменьшать опасность снижения стиля, мешающую полнокровному и здоровому развитию русского литературного языка. Так, вызывает сомнение заявление В.С. Елистратова в статье «Арго и культура» о том, что арготизация и варваризация является «не порчей языка, не паразитическим наростом, а смеховой лабораторией языка». В этой статье автор развивает мысль Б.А. Ларина о том, что «историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных “снижений”, варваризаций, но лучше сказать – как ряд концентрических развертываний»¹⁴. В истории литературного языка можно выделить три периода, связанных с его варваризацией: разнотинный (середина XIX в.), опрощение, связанное с революцией 1917 г.; перестроечная и постгорбачевская либерализация 1980–1990-х гг.

Таким образом, литературный язык определяется развитием нации. По мнению В.В. Колесова, «функция на каждом историческом отрезке развития литературного языка определяется нормой...

Норма как динамический процесс есть выбор инварианта из многих вариантов, выработанный системой в ее развитии; таков, в общих чертах, механизм порождения современной для языка нормы посредством выявления на каждом уровне стилистики немаркированного “третьего лишнего”»¹⁵.

Нормативность литературного языка базируется на выборе среднего стиля, который всегда и есть норма. Норма и стиль – две нерасторжимые стороны одного и того же – объекта исследования.

Язык отражает движение мысли – стиль демонстрирует ее возможности, а норма становится общим правилом речевого поведения. В оценке любого слова важны и социальная значимость, и его нормативный ранг, и роль его как факта культуры. По мнению В.В. Колесова, сейчас происходит «структурное преобразование на всех уровнях, особенно в отношении функциональных стилей. Трехуровневая система стилей способствовала урегулированию системных признаков языка в норме: средний стиль поставил в литературный язык инвариант нормы в последовательности система > стиль > норма.

Устранение высокого стиля привело к перемещению стилевых вариантов (процесс “либерализации” языка, или, точнее, “демократизации” его)¹⁶.

Не хочется в это верить, но получается, что СМИ злонамеренно сталкивают своих читателей вниз, принижая всех окружающих до уровня своего речевого поведения. Это агрессивное давление на сограждан в конечном итоге может привести к разрушению их духовных и интеллектуальных возможностей. Неискушенная читающая публика, особенно молодое поколение, начинает воспринимать вульгаризмы, насаждаемые журналистами через медиатекст, как литературную норму, а пренебрежение к людям – как норму этическую. Такова ситуация, которая сложилась в начале XXI в. не без наших усилий.

Таким образом, в медиатексте постоянно нарушаются принципы коммуникативной целесообразности и традиционности выражения, которые В.Г. Костомаров выдвинул в качестве ведущих при определении языковой нормы.

Обобщая изложенное выше, хочется остановиться на следующих положениях:

- Среди критериев, положенных в основу выделения языковой нормы для исследования медиатекста в лингвокультурологическом аспекте, важен принцип коммуникативной целесообразности, выдвинутый одним из ведущих теоретиков языка и стиля масс-медиа В.Г. Костомаровым.

- Литературная норма имеет четкую коммуникативно-прагматическую направленность, так как именно она тонко градуирует средствами языка по различным шкалам: семантической, стилистической, ситуативной.

- Не всегда нарушение нормы можно считать речевой ошибкой. Обоснованное отступление от нормы позволяет автору медиатекста привлечь внимание адресата к предмету речи, а также расширить реестр модальных средств, передающих эмоциональное состояние субъекта речи и его социально-идеологический статус.

- Сознательное расшатывание языковых норм в медиатексте не всегда согласуется с этическим аспектом, так как приводит к активизации грубой лексики, как правило, представляющей собой лексику деклассированных элементов.

- В наше время возрастает ответственность журналиста за публично произнесенное (написанное) слово и, тем не менее, речевая агрессия со стороны представителей СМИ, насаждающих непечатные слова, табуированную лексику, все усиливается.

- Весьма перспективным, на наш взгляд, является вопрос, поставленный В.Г. Костомаровым, о выделении в рамках единого литературного языка наряду с книжностью и разговорностью третьей разновидности – массмедийности. Решение этого вопроса, на наш взгляд, связано с накоплением теоретического и практического материала в исследовании употребления языка в медиатексте.

- Сознательное снижение стиля в текстах масс-медиа приводит к тому, что многие исследователи игнорируют изучение языка СМИ как полностью не соответствующего эстетическим, этическим и интеллектуальным запросам современного общества. Однако мы разделяем точку зрения В.Г. Костомарова о том, что можно сколько угодно порицать язык СМИ, но не считаться с его возрастающим влиянием на все сферы жизни постсоветского общества невозможно.

Примечания

- 1 См.: Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 259–260.
- 2 Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985. С. 152.
- 3 Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 337.
- 4 См.: Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура речи и эффективность общения. М., 1996.
- 5 Суперанская А.В. Русский язык XXI в. // Журналистика и культура речи. 2005. № 3. С. 3.
- 6 Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. СПб., 1999. С. 12.
- 7 Там же. С. 15.
- 8 Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005. С. 151.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 183.
- 11 Кара-Мурза Е.С. Социалект как основа стилистической типологии постперестроечной прессы // Журналистика в 1998 году: Тез. науч.-практ. конф. Ч. V. М., 1999. С. 26.
- 12 Колесов В.В. Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. С. 248.
- 13 Костомаров В.Г. Указ. соч. С. 255.
- 14 Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. Избранные работы. М., 1977. С. 176.
- 15 Колесов В.В. Русская речь. С. 24.
- 16 Там же. С. 260.